время принципиальность его нападок указывает на то, что причины их лежали глубже, что для Крылова Княжнин — враг по всей сущности его личного и писательского облика, враг литературный и, более того, социальный. Княжнин явился в русской литературе, может быть, последним воинствующим представителем дворянской фронды, аристократической оппозиции правительству, помещичьего либерализма. Ученик школы Сумарокова в литературе и школы Панина в политике, он последний держал высоко знамя дворянского классицизма и аристократической культуры. Традиции интеллигентских дворянских кружков, вернее салонов, поддерживались, видимо, в его доме. Эти традиции, выкованные в кружке Сумарокова, в салоне Херасковых, создали культуру замкнутого выращивания литераторов и литературных произведений в дружеских академиях, в которые допускались только посвященные. Княжнин, друг и зять Сумарокова, друг таких бар-писателей, как братья Карины, принимавший, по словам С. Н. Глинки (*Записки*, 1895, стр. 86), у себя самого Потемкина, сам был выращен этой культурной, но специфически тепличной средой. Вся литература здесь была введена в каноны, в схемы, заранее предуказанные наукой об искусстве; писатель обязан был пройти все ступени установленного обучения, связан был, с молоду поощряемый и направляемый старшими в искусстве, следовать их урокам: под их покровительством он мог впоследствии занять место на дружеском Парнассе. Все, появляющееся вне этого замкнутого кружка аристократов классической культуры, все, отдававшее улицей, канцелярией, бытом, далекое от величественного холода отвлеченного дворянского Парнаса, все, приходящее из самой жизни, тем более — из «низов», — было подозрительно или враждебно кругу Хераскова, так же как и кругу Княжнина. Салон типа херасковского и княжнинского был подчеркнуто неофициален; он противопоставлял придворной, бюрократической оценке культурных фактов свою, свободную от чиновничьих отношений, но основанную на родовых правах суда над всей жизнью; опирающуюся на глубочайшее убеждение в незыблемости привилегии столбового культурного дворянства вершить судьбы отечества и направлять его жизнь, в частности его культурную жизнь, так, как надо, т. е. по пути осуществления незыблемых норм феодальной иерархии сословий так же, как рациональных норм прекрасного в искусстве. Здесь, за обильным обеденным столом у Княжнина, в атмосфере довольства и сознания своего превосходства и над полицейской силой власти и над неупорядоченностью сознания «черни», заседало непризнанное правительство умов российского дворянства. Вот против этого-то суда аристократов, против этих-то претензий на руководство литературой и жизнью страны восстал Крылов, «мальчишка», сам «смерд», человек из темной массы, из мелких людей, из низов дворянства (не помещик вовсе), разночинец по психологии, не посвященный в тайны благоприличия аристократического быта и затвердевшие схемы аристократической